

Глава 40. Старый друг уже не тот, что прежде (часть 13)

В предрассветных сумерках, когда небо лишь начало наливаться мутной белизной, Чао Цы заставил себя очнуться.

С того момента, как он забылся тяжелым сном, не прошло и часа. Лу Янь спал рядом, собственнически прижимая его к себе; его тяжелая рука покоилась на талии Чао Цы, словно невидимые кандалы.

Этот человек давно не нуждался в отдыхе, но всякий раз, когда Чао Цы засыпал, он ложился рядом и погружался в чуткую дрему. Прежде, изнуренный его бесчинствами, Чао Цы проваливался в беспмятство настолько глубокое, что приходил в себя лишь после полудня. К тому времени Лу Яня обычно уже не было рядом.

Впервые Чао Цы очнулся, пока тот еще спал. Он не смел взглянуть на него прямо — практик такого уровня, как Лу Янь, мгновенно почувствовал бы чужой взор. Чао Цы лишь осторожно наблюдал за ним краем глаза, пока в его правой руке медленно материализовался талисман.

Этот артефакт создал для него Ли Ань.

Существовал секрет, который, кроме Небесного Дао, ведали лишь двое — сам Чао Цы и Ли Ань, которому он позже доверился. Тайна заключалась в том, что Лу Янь на самом деле был воплощением уцелевшего осколка души Лу Цзэи.

В тот роковой день душа Лу Цзэи должна была окончательно рассеяться, но Небесный Дао тайно сохранил одну-единственную искру.

Царство богов рушилось, Дао слабел, и, возможно, явление Лу Цзэи было попыткой мироздания спасти самого себя. Однако тогда Лу Цзэи не сумел достичь цели и пал на полпути. Небесный Дао счел, что время еще не пришло. Он укрыл этот осколок на самом Краю Небес, где в течение сотен лет тот впитывал блуждающие, лишенные сознания души, восстанавливая и совершенствуя свою суть, пока наконец не переродился в Лу Яня.

В Лу Яне жила частица прежнего Лу Цзэи, но он определенно не был им — точно так же, как Лу Цзэи никогда не стал бы подобным чудовищем. Чао Цы узнал об этом лишь благодаря табличке жизни, которую когда-то оставил ему наставник. Если душа практика уничтожается полностью, такой артефакт превращается в пыль.

Когда с Лу Цзэи случилась беда, табличка треснула, но не рассыпалась прахом. Чао Цы, цепляясь за призрачную надежду, долгие годы бережно хранил эти осколки. И в тот день, когда он встретил Лу Яня, обломки в его пространственном мешке внезапно соединились. Трещины не исчезли, но артефакт вновь стал единым целым.

Позже появился Ли Ань. Чао Цы поделился с ним своими догадками, и тогда Ли Ань создал этот талисман. Он объяснил: артефакт способен пробудить сознание прошлой жизни, одновременно подавив личность нынешнюю. Если использовать его на Лу Яне, тот «станет» Лу Цзэи.

Чао Цы долго не решался на этот шаг. Лу Цзэи был мертв уже несколько столетий, и возвращать его к жизни в чужом теле казалось кощунством. К тому же, чем это отличалось от убийства самого Лу Яня?

Он хранил талисман, не в силах ни применить его, ни выбросить. Он надеялся, что этот день никогда не настанет, но...

Лу Янь загнал его в тупик. После всего, что этот мерзавец сотворил с ним, стоило ли Чао Цы петься о жизни этого маленького зверя?

Лу Янь запечатал его меридианы, и все эти дни Чао Цы по крупицам собирал силы. Ему едва хватило энергии, чтобы пробудить крохотную струю духовной ци — лишь ради этого мгновения.

Он не знал, подействует ли творение Ли Аня на Лу Яня, который почти достиг божественного могущества, но он обязан был рискнуть.

Чао Цы направил последнюю каплю ци, активируя артефакт.

Талисман вспыхнул призрачным белым светом и бесследно растаял, проникнув в межбровье спящего.

Чао Цы не сводил с него напряженного взгляда. Впервые в жизни его охватил такой трепет, а спина покрылась ледяным потом.

Спустя мгновение брови Лу Яня дрогнули, и он открыл глаза.

Он огляделся, и в его взоре отразилось полное недоумение при виде незнакомой обстановки. Но когда он резко приподнялся и увидел рядом с собой Чао Цы — измученного, едва прикрытого одеждой и покрытого следами недавнего насилия, — его словно поразила молния.

Заметив это выражение лица, Чао Цы почувствовал, как с души свалился огромный камень.

Это был Лу Цзэи.

Лу Цзэи смотрел на Чао Цы, и прошло немало времени, прежде чем он смог выдавить из себя хоть слово:

— А-Цы... как ты здесь оказался? И я...

Он хотел спросить, почему он сам здесь, ведь он должен быть мертв. Но, бросив взгляд на себя, он обнаружил, что на нем лишь распахнутая нижняя рубаха, обнажающая грудь.

Глядя на истерзанного Чао Цы и осознавая, в каком положении они оба находятся, он, кажется, начал понимать ужасающую истину.

Не успел он оправиться от шока, как лавина чужих воспоминаний обрушилась на его разум. Лу Цзэи болезненно нахмурился, и лишь спустя время ему удалось навести порядок в этом хаосе образов.

Его лицо исказилось от отвращения и боли.

Он действительно переродился... Его новое воплощение заключило с Чао Цы тот самый пятилетний уговор, стало его спутником и с его помощью достигло того, к чему сам Лу Цзэи стремился всю жизнь — Стадии Великого Вознесения. Однако за этим не последовало вознесения в Царство богов, ибо оно давно обратилось в руины.

Его перерождение полюбило Чао Цы, но, узнав после его ухода, что тот на самом деле... любил его прежнего, Лу Янь обезумел от ревности и ненависти. Он заточил Чао Цы здесь, подвергая его бесконечным унижениям и пыткам.

Когда эти воспоминания окончательно оформились, лицо Лу Цзэи потемнело.

— Цзэи, — тихо позвал его Чао Цы.

Лу Цзэи вздрогнул, возвращаясь в реальность. Он смотрел на Чао Цы, не находя слов.

В его душе бушевали гнев и невыносимое чувство вины — ведь Лу Янь, по сути, был его продолжением. К тому же известие о том, что Чао Цы всегда любил его, делало ситуацию еще более невыносимой.

Слишком много чувств сплелись в один тугой узел.

В конце концов он отбросил лишние мысли. Видя плачевное состояние Чао Цы, он произнес глухим, надтреснутым голосом:

— Сначала я помогу тебе омыться.

С этими словами он бережно поднял Чао Цы на руки и направился к купальне.

— Я справлюсь сам... — прошептал Чао Цы. Его уши покраснели, а тело одеревенело.

Этот негодяй Лу Янь в этой самой купальне не гнушался ничем. Чао Цы давно привык к ненависти, его сердце почти онемело, но когда на месте мучителя оказался Лу Цзэи, он почувствовал непреодолимую неловкость.

Лу Цзэи, обладавший теперь всеми воспоминаниями Лу Яня, прекрасно понимал состояние Чао Цы.

— Нет, — отрезал он. — У тебя совсем нет сил. Ты и шага не ступишь, не пошатнувшись.

Тут Лу Цзэи вспомнил о главном и поспешно добавил:

— Этот малец запечатал твои меридианы, поэтому ты так слаб. Я сейчас же сниму печати.

— Не смей! — Чао Цы резко вскинул руку, останавливая его.

Лу Янь держал его в неволе почти два месяца, и Проклятие, пожирающее кости, до сих пор не убило его лишь потому, что его духовные каналы были заблокированы. Лишив его возможности практиковать, Лу Янь невольно замедлил распространение яда.

Если снять печати сейчас, проклятие мгновенно хлынет по жилам, и Чао Цы не проживет и нескольких дней.

Истинный владыка Юэ Чжи не желал умирать вот так, на глазах у Лу Цзэи.

Что же касается самого Чао Цы, то сейчас он играл роль Юэ Чжи, а тот никогда бы не допустил подобного исхода. К тому же, если он умрет сейчас, Лу Янь вряд ли оставит его в покое — скорее всего, его ждал бы новый круг бесконечных перерождений.

— Почему? — Лу Цзэи посмотрел на него с недоумением.

— Просто не нужно, — ответил Чао Цы.

— Хорошо, — Лу Цзэи вынужден был уступить.

Хотя он знал, что был мертв сотни лет, воспоминания о времени, проведенном с Чао Цы, казались ему вчерашними. Они были самыми близкими людьми в этом мире, понимавшими друг друга без слов. Если Чао Цы отказывался, значит, у него были на то веские причины.

— Раз ты не позволяешь мне вернуть тебе силы, то хотя бы позволь помочь тебе смыть... всё

это, — с горечью произнес Лу Цзэи.

Чао Цы и сам понимал свое положение. Попробуйся он сделать всё сам, он бы просто потерял сознание прямо в воде. К тому же его тело всё еще хранило следы осквернения, оставленные тем маленьким зверем, и обычное очищающее заклинание здесь было бессильно...

Он стиснул зубы и нехотя кивнул.

Лу Цзэи внес его в купальню. Это была не просто комната для омовений, а искусно высеченная в камне чаша, наполненная водой из термального источника. На дне были начертаны массивы, поддерживающие идеальную температуру.

Чао Цы сам избавился от остатков одежды, и Лу Цзэи, стараясь сохранять спокойствие, помог ему войти в воду. Он лишь осторожно поддерживал Чао Цы за талию, боясь, что тот упадет от слабости, и не смел коснуться его нигде больше. Но даже этого мимолетного контакта с нежной, горячей кожей было достаточно, чтобы он почувствовал себя совершенно беспомощным.

А в его сознании тем временем набатом звучали слова, которые Чао Цы когда-то доверил своей записной книжке.

Чао Цы любил его.

<http://bllate.org/book/15361/1416006>